

И. В. Судникова
Святая равноапостольная
великая княгиня Ольга

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=329272

Святая равноапостольная великая княгиня Ольга: Сибирская Благовонница; Москва; 2009

ISBN 978-5-91362-268-6

Аннотация

«Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светила среди язычников, как жемчуг в грязи» – так выразил отношение русских людей к первому правителю Киевской Руси, принявшему христианство, древний летописец. Речь шла о равноапостольной великой княгине Ольге († 11 июля 969), в крещении Елене, святой Русской Православной Церкви. Уже несколько столетий историки спорят о том, из какого рода происходила «мать русского народа», где она родилась и где крестилась. В этой книге представлены их интересные и доказанные исторические гипотезы, а также житие святой равноапостольной княгини Ольги и акафист ей.

Содержание

От издателей	4
Жизнь и труды Святой равноапостольной великой княгини Ольги	5
Доброзрачная дева	5
Горлица единомужняя	19
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Коллектив авторов

Святая равноапостольная великая княгиня Ольга

От издателей

«Утренней звездой русского христианства» называют святую равноапостольную княгиню Ольгу древние авторы. «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с Ним примирения!» – вызывает к ней преподобный Нестор-летописец.

Однако о первой русской святой доподлинно известно не так уж и много. Несколько столетий историки спорят о том, где же действительно родилась великая княгиня, из какого рода происходила, в каком году и даже где крестилась. Мы предлагаем читателям самые интересные и доказательные исторические гипотезы, древнее житие святой Ольги, помещенное в «Степенной книге»,¹ и акафист великой равноапостольной княгине.

Работа современного историка, по признанию одного из авторов сборника, «в чем-то схожа с реставрацией мозаичной иконы. Из множества рассыпанных в беспорядке кубиков смальты всевозможных оттенков и размеров необходимо воссоздать лик, неповторимый в своей величественности и красоте. Эрудиция и логика здесь бессильны

...Единственное, что нам остается, – пристально и благоговейно вглядываться в лики святых, такие, какими они были прославлены Богом, и не пытаться перекраивать их по собственному, пусть даже очень благочестивому, вкусу. Только тогда молитвенное созерцание сможет перейти в разговор и общение с вечно живыми людьми, ибо, по слову летописца, души праведников не умирают, и память праведника бессмертна».²

Какой же была наша великая соотечественница – «мать народа русского»? Эта книга – попытка, взирая на лик святой, разглядеть лицо простой земной женщины, многими трудами, мужеством и самоотвержением шагнувшей на Небо.

Приидете вси правовернии всея Русския земля собори. Всяко достояние и всяк возраст возрадуемся Господеви и поклонимся...

...Яко первее благоволи вдохнути благодать Свою в душу немощнейшаго сосуда женскаго состава; аще и по естеству немощен быше сосуд, но великое сокровище благодати блюдомо есть в сосуде; и кто может украсти е; его же сосуда избра Господь вдовствена и целомудрена, премудрости и разума исполнена, и всюду кипяща духовным благовонием, еще же самодержавна, яко же властью земнаго царствия; выше же сих и над страстьми телесными царствуя, бяше во всей жизни своей святая и богомудрая и равноапостольная великая княгиня Ольга, претворенная во святом крещении Елена...

Из «Степенной книги»

¹ «Степенная книга» – свод летописей, в котором события расположены по родословным степеням великих князей. Была составлена по инициативе митрополита Макария между 1560 и 1563 годами. Введением к «Степенной книге» служит Житие святой равноапостольной великой княгини Ольги. – Ред.

² Холмогоров Е. Святая равноапостольная княгиня Ольга // Альфа и Омега. – М., 1994. – № 3. – С. 142–143.

Жизнь и труды Святой равноапостольной великой княгини Ольги

Доброзрачная дева

«Степенная книга»: о великом князе Игоре, как он сочетался браком с блаженной Ольгой. – Историки: о происхождении, месте рождения и воспитании святой Ольги.

Не прельщайся, видев мя юну девицу и уединену, и о сем не надейся, яко не имашши одолети ми; аще и невежда есмь, и вельми юна, и прост обычай имам, яко же мя видиши, но обаче разумех, яко поругати ми ся хочещи и глаголаши нелепая, его же не хочу и слышати: прочее же внимай себе и останися такового умышления; дондеже юн еси блюди себе, да не одолеет ти неразумие, и да не постраждеши зло некое; останися от всякаго беззакония и неправды, аще сам уязвен будещи всякими студодеянии, то како можещи неправду возбранити и праведно судити державе твоей.

О великом князе Игоре, как он сочетался браком с блаженной Ольгой³

Когда еще совсем юный Игорь был в Псковской земле, как рассказывают некоторые дивное сказание, однажды тешился он охотой и увидел на той стороне реки хорошую добычу, и не мог он перейти на ту сторону реки, потому что не было лодки, и увидел он, что кто-то плывет по реке в лодке, и позвал он лодочника к берегу, и велел перевезти себя за реку. И когда плыли они, взглянул Игорь на гребца того и увидел, что это девица (а это была блаженная Ольга), совсем юная, красивая и отважная. Он никогда ее раньше не видел, и вид ее поразил его (а ведь сказано в Писании: «Похотливые очи зарятся на запретное»). И разгорелась в нем страсть, и обратился он к ней с бесстыдными словами. Она же поняла коварство этих непристойных слов и, пресекая его непристойные речи, не как юная, но как умудренная зрелым умом, сказала, обличая его: «Зачем напрасно позоришь себя, о, князь, склоняя меня на срам? Зачем, думая о неподобающих вещах, постыдные слова произносишь? Не обольщайся, видя меня, молодую девушку, совсем одну, и не надейся – не возьмешь меня силой. Хоть я неученая и очень молодая, и проста нравом, как ты видишь, но я понимаю, что ты обидеть меня хочешь и говоришь непристойные слова, которых я слышать не хочу. Лучше подумай о себе, откажись от своего помысла. Пока ты юн, блюди себя, чтобы не победило тебя неразумие, чтобы не пострадать тебе самому. Откажись от всякаго беззакония и неправды – если ты сам будешь побежден разными постыдными делами, то как сможешь другим запрещать неправду и как сможешь управлять державой своей? Знай, что если ты не перестанешь соблазняться моей беззащитностью, то лучше мне будет, чтобы глубина реки этой поглотила меня, чем быть тебе на соблазн; так я избегну поругания и позора, а ты не впадешь в соблазн из-за меня». И много другого разумного сказала она о целомудрии. Это первое проявление, благое и достойное удивления, благоразумного юношеского целомудрия блаженной Ольги, еще не знающей Бога и заповедей Его не слышавшей. Такую премудрость и чистоты соблюдение обрела она от Бога, что удивился Игорь зрелому ее разуму и благоразумным ее словам. И сразу Игорь отказался от своего юношеского порыва, и, устыдившись,

³ Здесь и далее: «Степенная книга» на церковнославянском языке цитируется по изданию: Полное собрание русских летописей. – СПб., 1908. – Т. XXI, ч. 1. – С. 6–38; в русском переводе – по изданию: Святая Ольга. – М., 1997. – С. 93–110.

в молчании перебрался через реку, запечатлев все это в сердце своем до времени, и вернулся в Киев. Когда же пришло время, повелел он, чтобы нашли ему невесту, и стали ему подыскивать ее, как это было в обычае для властителей. И многими он пренебрег и вспомнил дивную в девицах Ольгу, отвагу и красоту которой видел своими глазами, и из уст которой слышал речи разумные, и целомудренный нрав которой видел. И послал он за ней родича своего, вышеназванного князя Олега, и взял в жены с подобающей честью, и так сочетались они законным браком.

Династия Рюрика до святой Ольги не была нам родной, а, наоборот, совершенно чуждой, если даже и верить в добровольное со стороны Новгорода призвание варяжских князей. Только в лице святой Ольги, прирожденной славянки, варяжская династия ославянивается, делается единокровной со своим народом. По свидетельству Иоанновской летописи, славянское имя Ольги было Прекраса, и лишь после брака ее с Игорем Олег назвал ее – может быть, в честь своего имени – «Вольгой». До сих пор не установлено, какого, собственно, корня это имя. «Ольга» и «Олег» имеют созвучные скандинавские имена Хельга и Олаф, но они напоминают также и русские волшебнo-народные соназвания – «Вольга» и «Волх», имена богатырские, былинные, память о которых навсегда начертана течением таких исторических рек, как Волхов и Волга.

Когда и где родилась Ольга, в точности неизвестно. Летопись Нестора говорит: «В лето 6411, Игореву ворзастшу и хожаше на Олезе и слушаще его; и приведоша ему жену от Плескова именем Ольгу». В последнее время было сделано маловероятное предположение, что родиной святой Ольги была болгарская Плиска или Плескувия, но весьма древнее христианское и народное предание называют Ольгу уроженкой села Выбутина (Лыбутина) в окрестностях русского Плескова, то есть Пскова.

Михаил Меньшиков. Великая. Мудрейшая. Святая мать народа русского

О знатном происхождении и владетельных правах княгини Ольги ясно свидетельствует и ее участие в Игоревоm договоре с греками. Посол ее стоит в этом договоре непосредственно за послами самого Игоря и его сына Святослава, прежде послов от двух его племянников и других членов княжеской семьи (Игоря, Якуна, Предславы, Сфандры и пр.). Но более всего о том свидетельствует последующая ее правительственная деятельность...

Что касается самого имени «Ольга», то оно вполне славянское, и напрасно норманнская школа усиливалась доказывать, что «Олег» и «Ольга» суть имена скандинавские. В русской летописи нередко встречаем это имя в форме «Вольга» и «Волга»; что ясно указывает на тождество его с именем нашей великой реки. (Хотя та же норманнская школа и название «Волга», то есть «влага», считает финским!) На севере России до сих пор можно встретить слово «ольга» в смысле «болото». У болгар имя «Ольга» должно было произноситься в форме «Ельга»; так и было в действительности, судя по известию Константина Багрянородного. И мужская форма сего имени, то есть «Олег», также не была чужда болгарам; имеем болгарского чиновника Ольга, или Олега, который упоминается в надписи на столбе, обозначавшем границу между Византией и Болгарией и поставленном при царе Симеоне приблизительно не позднее первой четверти X века.⁴ Известно, что то же имя существовало и у литовцев; оно составляет основную часть в именах «Ольгерда» и «Ольгимутна». Следовательно, встречаясь у Руси, Литвы и Болгар, как может быть оно объясняемо скандинавским происхождением?

Д. И. Иловайский. Вероятное происхождение княгини Ольги

⁴ Известия Русского Археологического института в Константинополе. III. – София, 1898.

Летопись говорит, что Олег привел Игорю жену из самого Пскова, а составитель одного из Ольгиных житий, сам псковитянин, замечает: «Ольга родися в Плесковской стране, в веси зовомыя Выбуто, отца имеяше неверна сущи, також и мать некрещену от языка варяжска и от рода не княжеска, не вельможеска <...> О имени же отца и матери писание нигде не изъяви...».⁵

Скорее всего, он прав. На то, чтобы отнести рождение великой княгини вместо богатого и знаменитого города к скромной деревеньке на берегу реки Великой, в 12 верстах южнее Пскова, нужны были веские основания. Да и землякам виднее. По крайней мере, Ольга, уже будучи на вершине могущества, Выбутскую весь не забывала. Она входила в личные владения княгини, и та распорядилась воздвигнуть неподалеку храм Пресвятой Богородицы. Единственное, в чем мы позволим себе не согласиться с агиографом, это утверждение о незнатном происхождении святой. Маловероятно, что в начале IX века варяг в тех местах мог быть обыкновенным крестьянином. Да и незачем было варяжскому конунгу Игорю брать себе жену из простых поселянок.

В IX веке небольшое торгово-ремесленное поселение Псков не было еще, конечно, тем великим городом, что прославился впоследствии в русской истории. Неподалеку, по реке Волхов, проходила главная магистраль пути «из варяг в греки», набирал силу, становясь центром древнерусской экономики, Господин Великий Новгород, разворачивались бурные политические события. На реке Великой было намного спокойнее, но и здесь, по ответвлению Великого пути, проплывали из Скандинавии в Царьград и обратно греческие, арабские и норманнские купцы, а порой появлялись на своих грозных ладьях отряды отважных викингов, ищущих доходного применения своей воинской сноровке. Общерусскому правительству князя Олега, недавно утвердившемуся в Киеве, нужно было поставить под свой контроль весь путь «из варяг в греки». Для этого на всех стратегически важных пунктах требовались таможенные чиновники, воины сторожевых отрядов и начальники переправ, набиравшиеся в основном из варягов. Одним из представителей этой военно-торговой аристократии и был отец Ольги, заведовавший переправой в Выбутской веси. Там-то, среди купцов и воинов, увидела свет первая русская святая.

Создатель богато одарил девочку. Она была редкостно красива, умна, смела и целомудренна. Ее наблюдательность и широкий кругозор должны были необычайно развиться в обществе заморских гостей, от которых можно было услышать захватывающие дух рассказы о Персии и Индии, Риме и Цареграде, Скандинавии и Германии, разных народах, обычаях и верах. Уже тогда юная Ольга должна была услышать имя Бога христиан, столь непохожего на привычных скандинавских и славянских богов. А для того, чтобы сберечь свое достоинство и целомудрие среди коварных и похотливых воинов, красавице Ольге приходилось самой быть ловкой, изворотливой и подчас жестокой. Легендарное сказание «Степенной книги»⁶ рисует эту сторону жизни будущей святой. Молодой князь Игорь, забредший во время охоты в псковские леса, захотел переправиться на другой берег реки Великой и, уже сидя в лодке, обнаружил, что перевозчик – необычайно красивая девушка. Князь стал заигрывать с ней и был явно обескуражен, когда получил смелую, мудрую и весьма резкую отповедь, подкрепленную угрозой отправиться на дно вместе с Игорем, если тот попытается применить силу. Пристыженный Игорь молча уехал, а вскоре прислал к целомудренной девице сватов.

Согласно же «Повести временных лет», на красоту и ум Ольги обратил внимание во время одной из своих поездок в Псков Олег. В 903 году он устроил брак князя с пленитель-

⁵ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития: Тексты. – М., 1915. – С. 8–9.

⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – СПб., 1908. – Т. XXI. – С. 7–8.

ной псковитянкой.⁷ Ольга, скорее всего, не была ни первой, ни единственной женой Игоря, однако почти сразу же стала самой любимой. Так что «име же Игорь потом ины жены, но Ольгу, мудрости ее ради, паче иных чтяше».⁸ Прекрасная княгиня достигла и большего: ей удалось занять второе место в политической иерархии древнерусского государства и прочно удерживать его на протяжении всего Игорева княжения, направляя политику мужа в нужную сторону. К ее советам Игорь, несомненно, прислушивался.

Е. Холмогоров. Святая равноапостольная княгиня Ольга

Каждый пскович знает о том, что древнейшая русская летопись – «Повесть временных лет», впервые упоминает город Псков и Ольгу под 903 годом. Но списков летописей много, и в каждом есть свои особенности. Поэтому наиболее полный суммарный текст летописи будет следующий: «В лето 6411, Игореву возрасту (и возмужавшу) и хожаше по Олезе и слушаше его и приведоша ему жену от Пльскова, именем Олгу (десяти лет), (и бе мудра, и смыслена и красна); (от нея же родися сын Святослав)». В другом же месте летописи указано: «.. а от первого лета Олгова, понелиже седе в Киеве до первого лета Игорева лет 31; и бысть княжения его лет 33 по Олегове смерти, а при Олезе бысть отнюду же приведе ему (Олег) жену от Плескова, именем Олгу лет 10, и жи Игорь со Олгою 43 лета».

После прочтения этих летописных строк у внимательного читателя возникает несколько вопросов. Например, каким образом и почему киевские князья, в том числе и Игорь, проявляли такой пристальный интерес к северным землям и, конкретно, к Псковской земле? Что означает летописное определение «от Пльскова» или «от Плескова»? И откуда взялось такое странное распределение власти, когда полноправный князь Игорь, сын Рюрика, во всем слушался воеводу Олега, который почти во всех летописях называется князем?

А все дело в том, что такая раскладка уходит своими истоками в предшествующие события русской истории. Известная Иоакимовская летопись, приводимая В. Н. Татищевым, дает некоторые ответы на эти вопросы. Оказалось, что «имел Рюрик несколько жен, но паче всех любляше Ефанду, дочь князя урманского и егда та роди сына Ингоря, даде ей обещанный при море град с Ижарою в вено...»⁹

Рюрик начат изнемогати; видев же сына Ингоря вельми юна, предаде княжение и сына своего шурина своему Олегу, варягу суцу, князю урмайскому... Егда Ингорь возмужа, ожени его Олег, поят за него жену от Изборска». Значит, у матери Игоря на севере были свои собственные обширные земельные владения, точные границы которых неизвестны. Очевидно, они были довольно велики. И по наследству они должны были перейти к Игорю. Естественно, что в этом случае князь периодически должен был посещать эти места, и где-то здесь на границе этих владений он, по легенде, и познакомился со своей будущей женой, Ольгой, во время переправы через реку Великую. Легенда говорит, что это произошло в Выбутах, на стратегическом скрещении водного и сухопутного путей, единственном таком месте во всем нижнем Повеличье... Не стоит удивляться тому, что легенды и исторические предания о княгине Ольге живут и записываются филологами в районе Выбут вплоть до настоящего времени. Конечно, они записывались и раньше. Трудно сказать, с какого времени. По крайней мере, в XVI веке уже записывались. <...>

Что касается челнока, на котором плавала Ольга, то в отношении малого кораблестроения в тех местах мало что менялось за истекшую тысячу лет. Подобные челны ходили

⁷ Повесть временных лет. – Петрозаводск, 1991. – С. 30.

⁸ Татищев В. Н. История российская. – М.-Л., 1962. – Т. I. – С. 111.

⁹ Вено – (др. – рус. «вено», польск. «wiano», чеш. «венo», лат. «venum» – продажа) выкупная плата, которую жених вносил родителям (родственникам) невесты (иногда – общине). – Ред.

близ Выбут по Великой еще в 1914 году. Автор изданной в том году брошюры о Выбутах В. Д. Смиречанский довольно живо описывает такие речные плавания по свежим впечатлениям: «Рыболовы, привыкшие к особенностям своей реки и ее быстрого течения, ловят рыбу на этом месте в особых маленьких лодках (душегубках), искусно управляя ими ногами и руками, или шестами, ежеминутно опасаясь быть опрокинутыми быстрыми волнами реки. Неопытный в плавании опрокидывается сразу у берега. Маленькие, выдолбленные из дерева, лодки крестьяне находят более удобными для переезда через реку. Жители правого берега, против пос. Выбуты, переезжают на левый берег в таких корытах, иногда связанных по два. При этом управляющий должен быть ловким, а пассажир должен сидеть смирно, чтобы переправа обошлась без приключений, которые не редки. Здесь страшна не глубина, а сильное течение, с которым совладать не всякий в силах и подвергается опасности, особенно, где дно становится глубже, как, например, у деревни Горки». Собирателем фольклора П. И. Якушкин в записанной им легенде об Ольге сообщает, что из челна, на котором Ольга перевозила князя, можно было сидя зачерпнуть воду и правой, и левой рукой, то есть с 903 по 1914 год водное сообщение на реке Великой существенным образом не менялось.

Ниже того места, в котором Ольга перевозила Игоря, и по сей день имеются на реке пороги, на которых вода, шумя и бурля, перекачивается через камни. Вот здесь очень реальная возможность перевернуться, а может быть и утонуть, если пассажир начнет вести себя беспокойно, – это и мог быть, аргумент в разговоре с князем. По сути, то же утверждение есть и в тексте XVI века от имени Ольги в случае плохого поведения Игоря: «... да примет мя глубина реки сея». Видимо, условия плавания около 903 года на Великой были более суровыми, чем в начале XX века, а пороги еще более грозными.

Район Выбут уникален тем, что здесь на старых картах обозначены два брода: один, пешеходный, – от деревни Кузнецово к деревне Волженец, а другой – у бывшего села Покровского выше по течению реки. В. Д. Смиречанский в 1914 году сообщает, что в его время был известен еще один брод – ниже Выбут, но выше деревни Ерошиха, который сейчас активно не используется и на картах не отмечен. Других мест для переправы вброд в Нижнем Повеличье нет.

Относительно встречи Ольги и Игоря местное псковское предание, нигде не записанное, сообщает, что с Игорем было девять человек дружины и что он подарил Ольге на память кольцо. Если это было действительно так, то Игорь мог переправляться в челноке, а дружина – переходить через этот нигде не обозначенный брод, поскольку переправа Игоря, по другому местному преданию, происходила там, где была когда-то паромная переправа, то есть немного выше по течению от острова Шацкого – Богдановского.

Другие же предания уточняют, что Ольга переправлялась через реку от деревни Горки или тоже с противоположного от Выбут берега – напротив Выбутской церкви. А вот одно предание сообщает, что Ольга перевозила князя Олега.

Относительно же происхождения княгини Ольги есть самые различные сообщения письменных источников. Так, Пролог XIV века упоминает о том, что «... си блжняя Ольга родом плъсковъ тѣнии» – здесь использован явно более ранний, чем XVI века, источник, поскольку применено беспредложное сочетание «плъсковъ тѣнии» вместо «от плъсковъ тѣнии», – а такое сочетание считается древней моделью уже для XIII века. Именно этим временем в Новгороде датируется берестяная грамота № 715, где в заговоре использовано такое сочетание без предлога: «... избави трасавиче» – «избави от трясовицы», то есть от болезни. Да и Псков назван в «Прологе» как Плъсков – название города Пскова, также известное в новгородских берестяных грамотах конца XI – начала XII века. Но самое интересное в проложном сообщении – слово «тѣнии» («тѣни», именительный падеж «тѣнь»). Дело в том, что в древнерусском языке близкое слово «тын» означало «ограда», «забор», «стена», «осад-

ное укрепление». То есть проложную фразу об Ольге можно понять так: «... сия блаженная Ольга – родом из окрестностей псковской стены». Однако, оказывается, что в древнерусском языке, так же, как в современных русском, белорусском, украинском языках слово «тын» – мужского рода. Женский род слово «тын» – имеет в том же значении – только в болгарском языке.

Информированный читатель сразу же задаст здесь вопрос: а как быть с болгарской версией происхождения Ольги? Действительно, в старой исторической и краеведческой литературе встречается идея относительно того, что Ольга – болгарская княжна, и происходит из болгарского города Плискув или Плисков, ныне Плиска. В 1888 году вышла статья архимандрита Леонида (Кавелина), в которой доказывалась именно эта версия. Автор основывался на соответствующем сообщении владимирского летописца. Надо отдать должное псковичам, потому что из них эту идею поддержал только И. И. Васильев, и больше никто. А после уничтожающей критики идеи болгарского происхождения княгини Ольги, которую предпринял в 1889 году киевский профессор И. И. Малышевский, в серьезной литературе к этой версии более никто и никогда не возвращался. Выяснилось, что летопись, в которой Ольга названа болгаркой, в значительной степени основывается на вымыслах летописца конца XV века и сколько-нибудь надежным источником быть не может. Таким образом, идея о болгарском происхождении княгини Ольги являлась детищем своего времени. Сейчас хорошо известно, что в конце IX – начале X века собственно болгары в Дунайской Болгарии были еще тюрки: они не успели еще усвоить славянскую культуру и славянский язык и составить единую болгарскую нацию. Поэтому и имени «Ольга» у болгар не было. Известно, что собственное имя Ольги на греческом языке – то же, что Helga, и оно скандинавское. Да и по заслуживающим доверия источникам церковного происхождения, она – «... от языка варяжска». И вела она себя как скандинавка... Между прочим, согласно Иоакимовской летописи, когда в 955 году княгиня Ольга съездила в Константинополь, а на следующий год греческое посольство прибыло в Киев просить обещанные воинские контингенты, Ольга в сердцах ответила императору в лице его послов:

«Колико я у тебя стояла в скутарех, столько царь пришед постоит zde в Почайне, и я ему сугубо воздам».

Непонятное «в скутарех» расшифровывается просто: в скандинавских языках, в частности, в шведском, это множественное число от «skutor» – «одномачтовое судно». А. Н. Сахаров предположил, что в период дипломатических дразг в Константинополе перед самым процессом приема во дворце, когда уполномоченные Руси вели изнурительные переговоры о статусе посольства, княгине Ольге и остальным послам пришлось долго маяться в своих ладьях в гавани византийской столицы. Как видим, так оно и было. «В скутарех» – это явный скандинавизм в прямой речи Ольги, ставшей, вероятно, пословицей и вошедшей в летопись. Причем, слово употреблено грамматически правильно – во множественном числе «skutor» – «ладьи». А вот в Лаврентьевской летописи Ольга упоминает, что стояла в Константинополе «в суде». Считают, что слово «суд» – это скандинавское «sund» – «пролив»; имеется в виду гавань Золотой Рог. Таким образом, часть фразы в ответе Ольги греческим послам может быть реконструирована как «...i skutor pa sundet» – «... в ладьях в проливе». Возвращаясь к болгарской версии происхождения Ольги, можно только заметить здесь, что болгарским князьям в X веке не было свойственно знание скандинавского языка. Теперь относительно созвучия названий Плескова-Пльскова-Пскова и Плискува-Плискова-Плиски. Тут надо заметить, что в Киевской земле был еще город Плеснеск, и вообще, названия на «плес-», «плис-» в славянских землях – не редкость. Среди них и река Плеснец в бывшей Орловской губернии, и деревня Плесна на реке Плюсе, и деревня Плесы на реке Сороть. Один из ведущих лингвистов-топонимистов – Р. А. Агеева, полагает, что древнерусское «плес, плис», это «колени реки, от одной луки до другой»; при этом слово «лука», также изгиб реки. Так что,

и в Болгарии, и на реке Великой, Плисков и Плесков – это два разных названия от одного и того же корня на двух концах обширного славянского мира.

А как же быть с болгарским словом «тынь»? А никак. Потому что средневековый славянский мир никогда не был замкнутым. Сербские мастера строили псковские каменные храмы. Русские паломники через южные славянские земли ходили в святые места. А митрополит Киевский Киприан так и вовсе был болгарин. И путешествовали не только люди, но и рукописи. Известно, например, что после монгольского нашествия русские церковные власти прямо обращались в Болгарию с просьбой о присылке церковных книг. Например, один из Прологов XIV века, в котором есть описание Ольгиного креста в Киеве, – «... южного письма... правописание Сербское, с примесью изредка Болгарского... Видно, что писец Серб имел перед собою Болгарский XIII века список...». Значит, болгарские списки с упоминаниями о княгине Ольге в самой Болгарии были. Видимо, где-то в это время и попал на Русь тот источник, в котором встретилась фраза о происхождении княгини Ольги с болгарским словом «тынь» рядом с названием Пскова – притом в древнейшей форме – Пльсков. Все это говорит о хорошей информированности автора исторического источника – и не более того.<...>

Церковное житие Ольги приводит следующие сведения о ней: «Бяше же та от рода нарочита, правнука Гостомысла именита мужа, иже прежде князей Российских в Великом Новгороде начальствоваше, его же советом призван бысть от варяг на великое Российское княжение Рюрик с братиею. Родися же Ольга в веси, нарицаемой Выбутской, юже и ныне есть близ града Пскова, града же того в оное время еще не бе».

А вот известный историк М. П. Погодин среди церковных рукописных материалов нашел сообщение, содержащее некоторые подробности по интересующему нас вопросу: «В Макариевых больших рукописных Минеях, хранящихся в Московской Патриаршей библиотеке, под 11 числом июля помещено: "Житие и жизнь, и похвала блаженных Великия Княгини Ольги, нареченную в Святом Крещении Елене. Како крестися и добре поживе по заповеди Господни. Списано вкратце". – В оном о роде ее сказано: "Святая блаженная Великая Ольга Русская, родися в Плесковской стране, в веси зовомыя Выбуто, отца имяше неверна сущи, також и мать некрещену от языка варяжска, от рода не от Княжеска, ни от Вельмож, но от простых бяше человек. О имени же отца и матери писание нигде не изъяви. Но толико в повестех мнозех обношашеся о рождении блаженных Княгини Ольги и о житии ея, яко Выбуцкая весь изнесе Святую и породу"».

Сейчас появилось интересное предположение о том, что Ольга получила свое имя от отца, которого звали Олег, то есть Helge – Helga. В одном из летописных вариантов действительно есть упоминание: «... нецыи же глаголют бе бо Олгова дщи бе Ольга», то есть: «... некоторые говорят, будто Ольга – это дочь Олега». Вряд ли это Вещий Олег летописи. Здесь вполне могло произойти совмещение в одно двух одинаковых имен – Олега – отца Ольги, и князя Олега Вещего, и, таким образом, имя отца княгини Ольги вполне могло дойти до нас.

Таким образом, в поздних письменных сообщениях о происхождении Ольги существуют две противоположные версии. По одной из них – она дочь простых людей, правда, «от рода варяжска», то есть скандинавов, а по другой версии – она «правнука Гостомысла» и князь Трувор, брат Рюрика, приходится ей свекром. Сразу же оговорюсь здесь, что серьезные историки скептически относились к первой версии и более склонялись ко второй, считая, что ее родители должны были быть довольно знатными людьми.

«Много преданий, но мало памятников оставила по себе святая великая княгиня Ольга на родине своей, селе Выбутах, или Лыбутах, Псковской губернии и уезда, – (писал более 120 лет назад во вступлении к брошюре о Выбутах известный краевед и археолог Н. К. Богушевский). – Да и не многие существующие памятники обязаны своим археологическим интересом не всегда достоверному источнику – народному преданию, ибо только предание и

сказание местных старожилов указывают на тот или другой предмет: на Ольгин камень, Ольгины ворота, Ольгину церковь и т. д. Ни история, ни псковские летописи не упоминают и не указывают на эти памятники. Следовательно, различные наименования, придаваемые этим памятникам, основаны исключительно на легендах, передаваемых из поколения в поколение и еще сохранившихся в памяти "стариков"».

Что ж, замечу только, что работа с краеведческими материалами – это тоже одна из исторических методик...

Итак, в окрестностях Выбута имеется 19 пунктов, связанных преданиями с княгиней Ольгой. <... >

Первый пункт во время путешествия на родину княгини Ольги – это место бывшей «веси» – деревни Выбуты. Здесь стоит каменная церковь XV века во имя пророка Ильи. Когда-то рядом с ней был теплый придел во имя Николы Чудотворца. Интересно, что, по местному преданию, первая выбутская церковь «тремя годами старше самого Пскова». Имеется в виду, конечно, какая-то ранняя церковь, предшественница нынешней. И основание этой ранней церкви предание приписывало княгине Ольге. По другому же преданию, в Выбутах хранились сани княгини. Возможно, к этой более ранней церкви могли относиться икона пророка Ильи XIII века и бронзовый посеребренный хорос (паникадило) с изображениями кентавров и львов XIII–XIV веков. В 1883 году отмечено, что «из вещей церковных обращает на себя внимание висящее среди храма медное паникадило, по отзывам знатоков, работы итальянских мастеров IX или X в.». Судя по всему, это тот же самый хорос. Датировку IX–X веками оставляю на совести «знатоков». Местное предание, записанное в 1990 году, сообщает, что до постройки каменной церкви поблизости стояла деревянная. Когда была построена каменная церковь, народ по-прежнему ходил в деревянную но, в конце концов, ее сожгли, так что всем пришлось ходить в каменную церковь.

Со временем и каменная церковь стала недостаточно вместительной для наплыва народа. И вот тогда, в 1914 году, 11 июля, то есть в Ольгин день, был заложен каменный храм в честь Благоверной княгини Ольги Российской. При закладке храма присутствовали тогдашний Преосвященнейший епископ Евсевий, все руководство города и губернии во главе с губернатором, камергером бароном Медемом, и великая княжна Ольга Константиновна, в замужестве – королева Греции. С ней были также великие князья Константин и Игорь Константиновичи.

Храм был не только заложен, но и сооружен. Но в связи с началом Первой мировой войны работы по отделке были приостановлены, и в таком виде храм достоял до 30-х годов, а затем был разрушен. Его руины и частично вскрытые фундаменты и сейчас можно видеть рядом с церковью XV века.

Само название «Выбуты» В. Д. Смиречанский объяснял тем, что выше по течению от церкви, близ деревни Волженец, песчаное дно реки сменяется известняковым и что здесь выступает, выбивается из земли каменная порода и дно поднимается на этом участке на 2–3 сажени, то есть на 4–6 метров. Это каменистое возвышение тянется по дну реки мимо выбутской церкви далее вниз по течению на полверсты (примерно 500 метров) и кончается подводным обрывом, после которого опять идет песчаное дно. Вниз по течению на 3 версты от острова «плитняк дна реки постоянно пластами (сляда) отрывается, дно понижается и образует выбои, пороги, ступни, водопады, ямы, завалы. Вода, пробегающая по этим уступам и преградам, бушует, шумит, рвется вперед с огромной силою, побеждая препоны».

Сейчас известно, что названия типа «Выбуты» встречаются и в других местах. По писцовым книгам конца XVI века выявлен ручей Выбута. Известна пустошь Выбутова в бывшем Крестецком уезде Новгородской губернии. В «Толковом словаре» В. И. Даля название Выбуты производится от слова «выбут» – «бутить, заваливать яму, ров или воду камнем и землей».

Встречается и другое объяснение названия Выбуты. Тот же В. Д. Смиречанский отмечает: «Из приведенной топографии села Выбуты будет понятно, что выбои, ямы, рывины, камни в реке Великой, делающие постоянный сильный бой волн и шум, дали означенной местности и само название «Выбуты», а народ изменил его в «Любуту» (любопытное место)».

А пока от «веси Выбутской» остался только храм, да на старой гравюре видны несколько домиков причта – все, что осталось от этой деревни к началу XX века.

Несколько строений причта появилось ныне в связи с возобновлением службы в храме. Святое место пусто не бывает – древняя «весь» Выбуты понемногу возрождается.

В Выбутах и их ближайших окрестностях с именем княгини Ольги связывали несколько реально существовавших или существующих объектов. Так, по сведениям местных жителей, немного выше по течению от выбутской церкви, у кладбища, под обрывом берега реки, лет 50 назад лежал Ольгин камень... На этом камне был выбит «след Ольги» – отпечаток босой ступни с изображением пальцев ноги примерно 36–37 размера. Размер был такой, что можно было поставить детскую ногу в этот след. Сейчас этот камень не сохранился.

Существует изображение другого Ольгиного камня на литографии 1882 года с аннотацией внизу:

«Ольгин камень в Выбутах близ Пскова». На боковой поверхности камня видно высеченное изображение креста. Судя по деталям на этом изображении, выполненном, кстати, довольно тщательно, видно, что это Ольгин камень у деревни Бабаево, над которым стояла часовня. На заднем плане, за камнем, на литографии – ровное пространство с несколькими выступающими камнями – поле и всхолмления, и слабо обозначенная, но все-таки различимая кромка луга и поля. Этот главный Ольгин камень расположен в полукилометре от реки. На другой литографии, по каталогу 1908 года, рядом с этим камнем для масштаба изображены люди, и видно, что он много выше человеческого роста.

В 300 метрах к северу от юго-западной окраины современной деревни Бабаево, за дачными участками и строениями близ южной границы выбутского карьера, и находятся остатки этого разрушенного главного Ольгиного камня – традиционного места поклонения местных жителей. По старым картам и спискам, здесь находилась небольшая деревня Беклеши, носившая параллельно еще два других названия – Першино и Веригино. Позднее эта деревня вошла в состав деревни Бабаево. Поэтому все старые упоминания Ольгиного камня обычно даются с ориентацией от деревни Беклеши.

Впервые описание этого места в 1873 году дал известный псковский краевед и историк Н. К. Богусhevский: «Не более как в 150 саженьях к северо-востоку от Выбут – за деревенькой Беклеши – на пустынном низменном лугу, окруженном с трех сторон песчаными холмами, покрытом огромными обломками и изрытом глубокими ямами, возвышается громадная гранитная глыба – продолговатой формы, имеющая в длину до восьми, а в высоту и ширину до трех аршин. Глыба эта считается святою и называется "Ольгиным камнем". Почему эта громадная скала считается святою и носит имя Ольги, – я никак не мог узнать.

Впрочем, в народе существует следующее баснословное предание: "Однажды святая Ольга, торопясь в Выбутскую церковь к заутрени, услышала, что уже кончили благовестить – и опасаясь опоздать, бросила на поле большой камень, который несла в рукаве: облегченная таким образом она пришла в церковь еще вовремя. С той поры камень этот стал называться Ольгиным".

Есть и другие легенды об этом камне. Например, одна из них гласит, что "когда святая Ольга отправлялась на войну с «поганью», то несла в «платке» множество больших камней, на полдороге платок прорвался и из него выпал большой камень: именно тот, который лежит в поле у деревни Беклеши". Далее рассказывают, что когда строился мост для Санкт-Петер-

бургско-Варшавской железной дороги через близлежащую реку Череху, то Ольгин камень сверлили и хотели разорвать порохом, но никак не могли; "видно, святая не дала", – говорит народ.

Ежегодно во время крестного хода в память святой Ольги – из Псковского Троицкого собора в село Выбуты, у камня совершается молебствие и открывается небольшая ярмарка. Тут же предполагается со временем устроить часовню во имя святой великой княгини».

В. Д. Смиречанский упоминает еще одну легенду о камне: он будто бы принесен Ольгой во время построения храма в знак ее желаний, чтобы храм был на другом месте. На каком – легенда не говорит.

Различных легенд, по-видимому, было много. Во всяком случае, еще в 1917 году известный собиратель фольклора В. И. Чернышев записал псковское народное предание об Ольге как о «сильной богатырке», переносившей с места на место огромные камни. Очевидно, что это предание близко к тем, что упомянуты выше.

Как я уже упоминал, какая-то часть выбутских легенд дошла до наших дней и была записана в 1990 году. При этом оказалось, что старшее поколение хорошо помнит Ольгин камень, над которым стояла часовня. При этом в одном случае говорили, что на камне был Ольгин след – один отпечаток босой ноги, на котором были различимы вмятины от пятки и пальцев, и этот след оставила княгиня Ольга. Как будто княгиня несла этот камень, чтобы отомстить – не то врагам за ее убитого мужа, не то людям, которые ей вредили, и утопить их этим камнем близ выбутской церкви. Однако камень княгиня не донесла. Рассказывали, что она несла камень в подоле, а когда камень упал, то он вырос. Ольга же сидела на камне и оставила след босой ноги. Вспоминают, что след был как будто закапан кровью, – очевидно, так размещались в следе красные вкрапления гранита. След был небольшой, как рассказывали, по размеру детский или женский. А другие жители утверждали, что было два следка Ольги на камне и даже отпечаток скомканного платья княгини – на том месте, где она, по преданию, сидела на камне. <...>

В 1886 году Псковским археологическим обществом в память 1000-летнего юбилея рождения княгини Ольги (1883 год) над камнем была построена кирпичная часовня. И вот, с того времени это место стало называться не только «Ольгин камень», но и «Ольгин крест». <...>

Сейчас от этого высокого камня сохранилась только его нижняя часть. Это серого цвета гранит с темными и белыми включениями большого количества кварца. Самое интересное то, что, согласно геологическим наблюдениям, самый знаменитый из Ольгиных камней валуном не является, а представляет собой выступ гранитной скалы, пробившей снизу известняки и вышедшей на поверхность выше уровня дерна.

Вот здесь я хочу обратить внимание на одно существенное для моего рассказа обстоятельство. Дело в том, что гранитные выступы скал, пробивающиеся из-под дерна, такие как этот Ольгин камень, совершенно не типичны как для окрестностей Пскова, так и для русского Северо-Запада в целом. Зато они являются очень типичным элементом ландшафта в Швеции и Норвегии. Как известно, княгиня Ольга имела и отца, и мать «от рода варяжского», то есть скандинавов, да и само ее имя как в передаче императора Константина Багрянородного, с которым она встречалась лично, так и на фреске XI века в Софии Киевской – Helga-Хельга, что и было затем переделано в славянизированную форму «Ольга». После того, как увидишь пейзажи Швеции и снова стоишь на Ольгином камне, начинаешь понимать, что, оседая на Руси, пришельцы-скандинавы испытывали острую ностальгию по родному пейзажу, и, конечно, они обратили внимание на единственную в округе гранитную скалу, которая затем получила название «Ольгин камень». И, между прочим, в полутора километрах к востоку на правом берегу Великой расположены сопки – крупные курганы, часть из которых была раскопана, и в них выявлены элементы скандинавской погребальной обрядности. А

рядом с этими сопками при раскопках поселения первой половины X века, к югу от деревни Ерошиха, была найдена игла от кольцевидной скандинавской фибулы – застежки. Полтора километра через реку наискосок – это совсем немного, это в пределах прямой визуальной видимости. <...>

Однако вернемся к описанию ольгинских памятных мест в районе Выбут. Одно из них находилось вверх по левому берегу от выбутской церкви. К юго-западу от ныне существующей деревни Покрутище когда-то находилось село Покровское. В четырех верстах выше Выбут, на берегу реки Великой, живописно расположено село Покровское. По преданию, это село составляло частную собственность («отчину») святой Ольги. Тут стоял когда-то монастырь, ею же основанный, который, будучи осквернен «Литвой поганой», был смыт рекою, или «провалился в реку». Достоверно то, что в часовне села Покровского сохранилось много древних икон, перенесенных туда из монастырской церкви перед разрушением ее рекою, а в самой реке часто находят каменные кресты, тесаную плиту и прочее.

В полутора километрах ниже Выбут по обе стороны острова, называемого в старой литературе Богдановский или Шацкий, известны: слева от острова – речная протока Ольгины слуды, а справа от острова – протока Ольгины ворота, или иначе Ольгин рукав. Впервые их упоминает Е. А. Болховитинов в 1831 году: «Село Выбутское, или у народа именуемое Лыбутское, существует и ныне, а ниже оно в полутора верстах на реке Великой, двумя рукавами обтекающей лежащий посреди остров, – один рукав мельче текущий вброд по каменному дну, называется донине Ольгиными слудами (слуда значит подводный камень), другой же рукав, поглубже, – Ольгиными воротами».

В 1861 году путешествовавший в этих местах Н. К. Отто также отметил, что «на реке лежит остров, с одной стороны река наполнена камнями, которые зовутся Ольгиными слудами, с другой стороны река глубже и называется Ольгиными воротами».

В 1858 году иеромонах Иосиф (Баженов) не преминул заметить об обоих протоках: «Названия этих мест слишком ясны, чтобы их понимать как-либо в другом значении и не относить к княгине Ольге».

Самое же подробное и интересное описание дает, как всегда, Н. К. Богушевский: «Несколько ниже Выбут по р. Великой находится небольшой скалистый островок, поросший травой, носящий название Шацкого. Остров этот разделяет реку на два протока. Один из них называется Ольгиными слудами (то есть "подводными камнями"), а другой Ольгиными воротами. В этом месте, по преданию, святая Ольга, бывшая еще крестьянкой, перевезла в челноке через реку великого князя Игоря. В окрестностях Выбут по реке Великой – начиная от деревни Вольжиной, до деревни Бабаевой (две версты ниже Выбут), прохожих и теперь перевозят через реку в челноках особенной конструкции, выдолбленных из толстых стволов осин. В таком челноке могут поместиться не более двух человек. Управляет челноком рыбак или перевозчик – одним веслом или багром».

С Ольгиными воротами связано предание, что Ольга переходила здесь через реку и бросала камни в воду, чтобы по ним перейти на другой берег, и что так они здесь и остались.

Выше острова в реке показывали еще один Ольгин камень. О нем упоминает только Н. К. Богушевский:

«Около Шацкого острова, саженой за двадцать от его верхней оконечности, выдвигаются из воды несколько гранитных камней. Один из них называется Ольгиным. Предание говорит, что когда святая Ольга купалась в реке, то после купанья камень этот служил ей местом отдохновения». Таким образом, этот камень относится к числу не археологических, а исторических объектов.

В трех с половиной километрах ниже по течению реки от острова Шацкого на левом берегу расположена деревня Пристань. Здесь, по местному преданию, Ольга воспитывалась у богатой тетки. Так это было или нет, неизвестно, но здесь надо иметь в виду следующее

обстоятельство. В скандинавском мире эпохи викингов, то есть в IX–X веках, был интересный обычай: даже очень знатные люди отдавали своих детей на воспитание к людям менее знатным. Это считалось полезным для формирования их характера. Вспомним, что и отец, и мать Ольги – «... от рода варяжска». И еще одно обстоятельство заставляет задуматься по поводу предания о тетке Ольги.

В «Степенной книге» в своей речи Ольга как бы невзначай говорит: «... о моем сиротстве». А что, если ее родители действительно рано умерли? Время было беспокойное. В боях гибли простые общинники, дружинники, гибли даже князья. Как знать...

Самое большое количество преданий связано с деревней Волженец (Ольженец) на правом берегу реки Великой. Именно здесь, между деревней Волженец, на правом берегу, и деревней Кузнецово – на левом, и поныне существует главный брод через реку, который в конце XIX века назывался Литовским. В 1873 году Н. К. Богушевский отметил: «Народное предание указывает на две местности в Выбутском приходе, как на места, где родилась святая Ольга: на деревню Гору, или Горку, расположенную на правом берегу реки Великой, против Выбутской приходской церкви, и на деревню Выдру – Волжино – Ольжино тоже – деревню, находящуюся в двух верстах (вверх по течению реки) выше Выбут.

В деревне Горка «память» о святой Ольге далеко не так распространена, как в деревне Выдре: поэтому (и потому, что в Выдре сохранились различные предметы, носящие имя св. Ольги, – а в Горе их совсем не оказалось), – я считаю более справедливым признать за деревней Волжиной честь называться родиной святой Ольги. По сказанию священника села Выбут Николая Троицкого – в Выбутских метрических книгах конца прошлого столетия, – деревня Выдра называется иногда «Ольгиной», а иногда «Вольгиной» и «Вольжиной». К тому же самое название «Вольжино» есть явное искажение названия «Ольгино». Выдрой называется только с недавнего времени, а именно с той поры, когда деревня Вольжино, распространившись вдоль берега реки, соединилась с маленькой деревенькой Выдерой, или Выдрой; с этого времени стали деревни Волжину и Выдру называть одним, общим именем. Жители бывшей Выдры – однако и теперь называют себя «выдерскими», а жители деревни Вольжиной говорят, когда их спрашивают: откуда они? – «Мы с Вольжиной»».

В районе деревни Волженец сохранилось довольно много микротопонимики, связанной с именем княгини Ольги. Рядом с деревней во времена Богушевского видны были еще остатки фундамента какой-то постройки, носившей название «Ольгина церковь» или «Ольгин дворец»: «На крутом правом берегу реки Великой, в 25 или 30 саженях, вниз по ее течению, от деревни Вольжиной, на деревенском поле видны полусасыпанные землею развалины древнего, грубо – из ручного известняка – сложенного фундамента. Здание, от которого сохранились эти развалины, имело очевидно форму правильного параллелограмма, узкие стороны которого обращены к востоку и западу, а внутренность разделена на пять отделений: из них два больших и три маленьких. Длина всего здания около восьми, а ширина около шести саженей.

Крестьяне считают это место святым, не распахивают его, хотя оно находится посреди поля, и намереваются устроить на развалинах часовню в честь святой благоверной великой княгини Ольги, дворец которой (а по сказанию иных, церковь ее, разоренная "поганой Литвой") стоял на этом месте. Тут же где-то находились сад и погреб великой княгини – «наполненные золотом и серебром» – но найти или видеть их можно только в ночь на Ольгин день (11 июля). <...>

Неподалеку от развалин «дворца» находятся древнее кладбище и группа могильных насыпей (курганов), в которых иногда находятся черепа, кости и обломки доспехов и оружия. На берегу реки из-под отвесной известковой скалы струится прозрачный, как хрусталь, и холодный, как лед, источник: так называемый «Ольгин ключ». Сюда по преданию – святая, будучи еще крестьянской девицей, ходила за водой каждое утро и умывала в нем «свое свет-

лое личико". С той поры источник приобрел дивное свойство: исцелять верующих, умывших в нем лицо и глаза и опустивших в его светлые струи какую-либо медную или серебряную монету, от всевозможных глазных недугов – и даже от слепоты. Лет двадцать тому назад к источнику приходило ежегодно множество богомольцев и больных. Польза от этого наплыва народа была для жителей "Ольгиной родины" немалая: в виде вознаграждений ("благодарений") за гостеприимство, собирания лепты благочестивых поклонников и святого источника, и т. д.». <...>

Известно, что Ольгин ключ назывался также «колодезем»: «Деревня Вольжениц (Ольженец) находится на реке Великой недалеко от Выбут в 20 верстах от Пскова, при ней колодезь с именем святой Ольги».

Этот источник, бьющий из-под обрывистого известнякового берега Великой рядом с деревней Волженец и оформленный в виде сруба, существует и поныне. Со стороны деревни, находящейся на высоком берегу, к нему ведет крутая ступенчатая лесенка.

К этому описанию остается еще добавить Ольгину гору по летописи, и описание ольгинских мест выбутского изгиба Великой можно считать более или менее завершенным.

Следует особо отметить, что на этом изгибе реки ольгинская топонимика замыкает все три имеющиеся здесь брода через Великую. Очевидно, что эти броды должны были охраняться не только в позднее время – в эпоху Псковской вечевой республики, что известно, но и в более раннее время.

Итак, еще один топоним – Ольгина гора. Он интересен тем, что относится к концу XIV века и упомянут достаточно случайно. В Псковской летописи под 1394 годом сообщается, что новгородцы пришли ко Пскову с большим войском, стояли у города восемь дней, а затем ночью побежали прочь от Пскова, бросая стенобитные орудия. В одном списке летописи значится: «И тогда убита копорского Иоанна под Олгиною горою, а инех многих избиша на Выбуте, а инех руками яша».

Другой список уточняет: «... иных бояр много на Выбуте избиша».

Для справки: Иоанн – копорский посадник – выборный руководитель одной из крупнейших новгородских крепостей – Копорья.

Учитывая, что именно в районе Выбут находятся три ближайшие к Пскову брода через Великую, то есть единственное в здешних местах скрещение водного и сухопутного путей, становится понятным, что здесь в 1394 году стояла какая-то псковская стража, которая эти броды контролировала и которая наверняка сообщила в Псков о пути движения новгородского войска. Здесь, в условиях пересеченной и лесистой местности, тяжело вооруженное новгородское войско испытало наибольшие затруднения и понесло потери. Здесь же оно вынуждено было бросить стенобитные машины – «... а пороки и пушчи пометоша». По-видимому, именно в этом месте произошел бой, и именно здесь псковичи настигли задержавшихся в районе брода новгородцев – ясно, что не ночью же они организовали погоню, а ранним утром – это в самом лучшем случае. Дело-то было 15 августа, когда ночи уже темные. Но тогда по всему выходит, что и посадник Иоанн был убит, скорее всего, где-то в районе Выбут около приметного для всех ориентира – Ольгиной горы, единственный раз упоминаемой в летописи именно под таким названием. Вполне может быть, что этот географический ориентир не сохранился и был размыт рекой так же, как это произошло с городищем раннего железного века на левом берегу Великой в районе деревни Покрутище – остатки этого городища еще в 1912 году видел <исследователь> В. Н. Крейтон. Не исключено, что один из бродов мог контролироваться городищем, и с этим-то несохранившимся городищем и могла соотноситься Ольгина гора. Как-то не верится, что единственный в нижнем Повеличье участок близлежащих бродов охранялся не городищем, а селищем, проще говоря – деревней. Здесь контроль и за водным путем, и за движением через пороги. Очень уж бойкое и опасное место. Здесь в X веке быть должно было городище. Но нет его, не сохранилось. И в 1480

году, во время боевых действий с ливонскими немцами, «... пригороды стояша на Выбуте у Броду, а броды затворивше...» Других ориентиров, кроме брода, здесь не отмечено.

Впрочем, есть еще одна зацепка. Надо выяснить, почему и куда отступало новгородское войско от Пскова по некой дороге мимо Выбут. Это позволит понять, по какому берегу реки Великой шли войска – по правому или по левому. Ход рассуждения здесь может быть такой. Естественно, что новгородцы пришли с востока и переходить с правого берега Великой на левый им не было решительно никакого резона, поскольку древний Псков-Плесков размещался на правом берегу. Соответственно, и отступать новгородцы стали вдоль правого берега по какой-то береговой дороге. Рискну предположить, что причиной отступления мог быть какой-то слух – истинный или ложный – все равно, что псковичи в тылу у них перекрыли кратчайшую дорогу на Новгород, что вполне реально. Тогда единственный безболезненный путь отхода у них оставался только один – на юг, в земли Ржевы Пустой, или тогда просто Ржевы – земли, подконтрольной Новгороду, занимавшей приблизительно территории нынешних Новоржевского и Бежаницкого районов, через псковско-ржевское пограничье, проходившее немного западнее горы Лобно – самой высокой точки Псковской области. Итак, войско двигалось по правобережью. Но тогда летописные выражения «на Выбуте» и «на Выбуте у Броду» надо понимать широко, как весь четырехкилометровый изгиб реки близ Выбут. Здесь, в районе деревень Ерусалимская и Паничи Горки, на прибрежной части старый изгиб русла Великой, образующий две балки, создает трудности для передвижения любой техники и поныне. Очевидно, что здесь застряло со своими стенобитными орудиями и новгородское войско – тащить тяжело, а бросить жалко. Вероятнее всего, что здесь и настигли их псковичи. И тогда Ольгина гора летописи – это деревня Гора (Горка, Паничи Горки). Вероятно, она могла быть названа так по сопке на берегу. Деревня эта, наряду с другими, претендовала на роль узкой родины княгини Ольги, то есть связана напрямую с ольгинской топонимикой. Видимо, в 1394 году она именовалась как Ольгина гора. Здесь находился третий брод, и здесь Ольга, по преданию, перевозила в челноке князя Игоря...

Естественно, что наличие многочисленных ольгинских топонимов (названий) и микротопонимов в районе Выбут заставляет ответить на вопрос – первоначально эта топонимика здесь со времен княгини Ольги или нет. Сейчас можно определенно сказать, что речь идет, в первую очередь, о традиции ольгинской номинации в здешних местах. Причем, можно отметить и тот поразительный факт, что ольгинская топонимика здесь продуктивна и поныне. То есть она воспроизводит самую себя. Когда археологическими раскопками близ Выбут в начале 1990-х годов был вскрыт курган с каменной известняковой кольцевой обкладкой (в настоящее время он реконструирован), то он сразу же получил у местных жителей название «Ольгина башня». Так что ольгинской топонимике Выбут прибыло... И здесь, и далее, когда речь идет об ольгинской топонимике, правильнее говорить о локальных, местных очагах продуктивности, самовоспроизводимости этой топонимике. А это предполагает наличие очень давней и очень устойчивой традиции, без которой такое явление было бы невозможно.

А. Александров. Во времена княгини Ольги

Горлица единомужняя

«Степенная книга»: о войне Игоря с греками. – Убиение Игоря древлянами. – О посланниках от древлян к Ольге. – О втором посольстве древлян. – О походе Ольги в Древлянскую землю. – Месть Ольги. – Установление порядка в стране. – Историки: о тайнах летописной хронологии. – О загадках «мести княгини Ольги». – О первом посещении Ольгой Византии. – Об особенностях женского правления страной.

Увы мне, светлейший самодержателю, великий государю русский; увы мне, свете мой, камо зайде от очию моею, мене уединену вдовою остави; к кому приближуся и на кого ныне возрю; увы мне, драгий мой милый супружниче преудобренный; уне бы мне прежде тебе умрети, неже лишене быти твоя красоты и твоего любезнаго сожитства, и не бы слышала твоя пагубы, иже не от супостатных враг, но от своеземных ти людей; и не вем что сотворити, или к кому горькую сию печаль прострети; к сыну ли, но той вельми детеск еще, и не вем от кого наказан будет, или кто снабдит державу ему.

О войне Игоря с греками

Великий князь Игорь после смерти своего родича Олега пошел на греков и завоевал страны Финические, до Понтского моря, и до Ираклии, и до Пафлагонской земли, и всю Никомидийскую землю попленил. И много войска его было перебито греками. И снова Игорь собрал большое войско и пошел на греков. А царь Роман, тесть царя Константина Багрянородного, сына царя Льва Премудрого, послал лучших бояр своих и умилиствовал Игоря, и стал давать ему дань больше, чем раньше давал Олегу. И, взяв дань, Игорь возвратился с Дуная в Киев. И родился у него сын Святослав от блаженной Ольги. И, так самодержествуя, жил он в мире со всеми странами.

Убиение Игоря древлянами

Пошел Игорь в те годы на Деревскую землю и удвоил дань с них, и то, что взял, отправил в Киев со своими ладьями, а сам остался с небольшой дружиной. Древляне же, с князем своим, имя которому Мал, задумав злое, сказали себе: «Он снова вернется. Пойдем, убьем его, а супругу его, Ольгу, возьмем за нашего князя, а с сыном его сделаем что хотим, и освободимся от дани, и все нам достанется». И убили его около города Искоростеня, там и погребли его.

О посланниках от древлян к Ольге

И послали к блаженной Ольге двадцать лучших мужей в ладье. А ей было известно о их приходе и о убийстве государя, и восплакала она горько, говоря: «Увы мне, великий самодержец, великий государь русский! Увы мне, свет мой, куда скрылся ты от очей моих, меня одинокой вдовою оставив? К кому ныне прибегну, к кому обращусь? Увы, мне, дорогой мой милый супруг прекрасный! Лучше бы мне было прежде тебя умереть, нежели лишиться твоей красоты и остаться вдовой! Не слышала бы я тогда о твоей гибели не от супостатов врагов, а от людей земель твоих! Не знаю, что мне делать и к кому горькую печаль обратить! К сыну ли – но он еще дитя, и не знаю, кто его будет наставлять и кто сбережет ему державу его?!» И многое другое говорила она, плача, и никто не мог утешить плача ее, и все люди

плакали. И как только оплакивание кончилось, стала она понемногу собираться с силами и, оставив женскую слабость и мужским разумом вооружившись, решила она, как отомстить за кровь мужа своего и каким образом покарать убийц. И велела она позвать к себе мужей древлянских и хитроумно говорила им: «Хорошо, что вы пришли сюда, о мужи. Говорите же, зачем пришли». Они же сказали: «Пришли мы, о, госпожа, потому что послала нас Деревская земля возвестить тебе, что твой князь отяготил нас данью и все ему было мало, и был убит из-за этого. А наши князья хорошие. Пойди за нашего князя Мала», – так звали их князя. Ольга же сказала им: «По душе мне слова ваши. Никто ведь не может воскресить мертвого. И я не могу восстановить господство над вами моего мужа, которого вы убили. Теперь идите в вашу ладью. А завтра, когда я пошлю за вами, вы, величаясь, скажите посланным мною: „Мы пешком не пойдем и на коней не сядем, несите нас на своих головах вместе с ладьей“. И когда понесут вас, вы большую честь от меня получите перед людьми моими». И они послушали ее, пошли в свою ладью. Назавтра Ольга за ними послала. Древляне, гордясь, сидели в ладье и говорили, как их научила Ольга: велели на головах нести себя вместе с ладьей. Киевские люди смеялись их глупости и, как бы повинуюсь, сказали: «Князя у нас нет, а княгиню вы возьмете за своего князя, и теперь нет нашей воли». И взяли они их вместе с ладьей на головы, и принесли на теремный двор, который был около города Киева. А Ольга смотрела из терема. И бросили их живыми в заготовленную заранее яму глубокую, говоря: «Люба ли вам честь такая?» Они же, ввергнутые в яму, вопили: «О горе нам! Хотя и убили мы Игоря, но ничего хорошего нам от этого. Лишь еще большее бедствие за дела наши постигло нас справедливо». И были они засыпаны живыми. И снова послала Ольга к древлянам: «Если действительно хотите взять меня в жены вашему князю, то коли пришлете лучших мужей, пойду к вам с великими почестями, если не удержат меня киевские люди».

О втором посольстве древлян

Древляне же послали восемь избранных мужей, которые были самыми знатными властителями Деревской земли. И пришли они в Киев. Ольга же велела им, чтобы они, вымывшись в бане, пришли к ней. Баня была приготовлена, и вошли древляне в баню, чтобы вымыться; их там заперли и сожгли.

О походе Ольги в Деревскую землю

И послала Ольга к древлянам, говоря: «Я уже иду к вам. Приготовьте многие меды у того города, где вы убили моего мужа, чтобы мне поплакать над его могилой и совершить тризну». Они очень много меду приготовили. И вскоре Ольга, собрав войско, пошла на Деревскую землю, пришла на могилу Игоря и плакала над ним плачем великим, ручьи слез из очей проливая, жалостно говоря: «О, свет мой милый, о, дорогая жизнь моя! Как мне тебя оплакать и что сделать? Самодержцем всей Русской земли ты был, а ныне ты мертв и землею покрыт, и никем не владеешь. С тобою многие страны заключили мир, и сам Царьград дани и подати давал тебе, и много побед над врагами ты совершил. А теперь где это? Все миновало. Где власть твоя самодержавная? Где слава и красота мира этого? Где багряница шелковая и одежды драгоценные? Где золото и серебро, где вина и меды, где парчи многочисленные, где быстрые кони, великие дома, богатства, дани, почести бесчисленные, гордость боярами своими? Уже не будет тебе всего этого никогда! Всего этого ты лишен! Вижу я, что соединился ты с землей, милый мой господин, великий князь! Как же скрылся ты в земле и к нам не возвращаешься?! Ведь и звери земные в норы свои идут, и птицы небесные летят в свои гнезда. Ты же, самодержец, свой дом оставил и пришел сюда, где неразумные древляне пролили кровь твою царскую, и тело твое погребению предано было. И я тебя, жизнь моя,

светлейший царь, лишена и сирой вдовицею с единственным сыном остаюсь! Вместо веселия и радости плач и слезы – удел мой, вместо покоя и утехи – горестное сетование. Много тяжких забот меня окружило, и не знаю я, как смирить врагов, как вражду прекратить, как в тишине мирные дни обрести и истинный путь найти? Кто, когда, какое утешение дарует мне и ум мой на лучшее утвердит, и желание мое исполнит? И кто найдется, кто возвестит мне, что будет какая-то иная жизнь и другой мир? Этот мир преходит, и, как вижу, нет никакой возможности ни для кого избежать смерти. А когда меня постигнет смерть, то кто будет творить мою память после моей смерти? Ведь все естество человеческое в небытие расходуется и забвению предается. <...> И как мы ныне сумеем преуспеть против наших врагов, убийц своего господина, ненавидящих царскую власть над собою. За это пусть они примут месть, чтобы прекратилась в Русской земле дерзость злых помышлений против самодержцев, – пусть и другим будет неповадно убивать правящих ими на Руси, и пусть они со страхом повинуются величию царской власти и властителям Русской земли. И тогда снова наступит у нас мирное время, и тогда мы постараемся добрейшее и полезнейшее познать». И много еще горестных слов она говорила. Велела она курган насыпать над Игорем и тризны творить, как это в обычае у язычников. После этого древляне сели пить, и велела Ольга отрокам своим пить с ними и служить им, но самим не упиваться. Древляне спросили: «Где же наша дружина, которую мы послали к тебе?» И сказала Ольга: «За мной идут с боярами моими». И когда древляне напились, тогда отошла она в сторону, а воины ее, по ее повелению, зарубили пять тысяч древлян. И возвратилась Ольга в Киев.

О второй победе над древлянами

И снова собрала Ольга большое и сильное войско и пошла с сыном своим, великим князем Святославом, на Деревскую землю.

Древляне вышли против них на бой, и были побеждены, и, отступив, затворились в городах своих. Однако и там не спаслись они: были взяты Святославом города их.

О взятии города Искоростенья

Сама же Ольга устремилась на город Искоростень и осадила его. Древляне крепко бились, не желая сдаваться, ведь именно они были убийцами Игоря. И стояла Ольга у города год, и не могла взять его, и послала к горожанам, говоря: «Все города уже сдались мне, платят дань и возделывают нивы свои. И вы от голода умрете, если не согласитесь платить дань». Древляне сказали: «Мы рады были бы платить тебе дань, но боимся мести». Сказала им Ольга: «Мы уже вам отомстили. На этот раз из-за того, что вы истощены, я не стану утяжелять вашу дань, как мой князь. Я знаю, что меда и шкур сейчас у вас нет, вместо этого я возьму с вас небольшую дань тем, что имеете: дайте мне от каждого двора по три голубя и по три воробья». Они обрадовались, собрали по всему городу голубей и воробьев и послали к ней с выражением покорности. Она же, принимая дань, сказала: «Вот вы покорились мне и сыну моему. Идите в город. И я не сегодня, так завтра отступлю от города». И все в городе, услышав это, обрадовались. Ольга же раздала этих птиц воинам своим и повелела к каждой привязать серу с трупом, завязывая их в тряпочку; вечером, когда стемнело, велела она отпустить голубей и воробьев, поджегши труп, они полетели в свои гнезда, и загорелся весь город. Люди не смогли погасить пожара и побежали из города. И велела Ольга одних ловить и убивать, а других воинам своим отдала в рабство, а иных оставила платить дань. И всю Деревскую землю покорила она и возложила на древлян дань тяжкую.

Об установлении порядка в стране

И пошла Ольга с сыном своим и войском по Деревской земле, устанавливая порядок дани и места охоты. Некоторые говорят, что Деревская земля была в области Великого Новгорода и что теперь она называется Деревской пятиной, а другие говорят, что это Северская земля, где город Чернигов. И пришла Ольга в Киев с сыном своим, великим князем Святославом. И, побыв в Киеве один год, оставила сына в Киеве, а сама пошла к Новгороду и стала устанавливать по Мете погосты и определять от лугов и охотничьих угодий дани и оброки, и устанавливать по Днепру места для ловли птиц и села, а также по Десне, – и по всей земле есть ловища ее, и знаки, и места, и погосты. Установив все это и посмотрев на все своими глазами, возвратилась в Киев. Кто не удивится блаженной Ольги мудрости, мужеству и целомудрию? Не будучи крещенной, управляя страной, лишившись мужа, она не захотела выйти замуж за другого: уподобилась она горлице единомужней. Убийцам же супруга своего она месть воздала, как это было в обычае у властителей. Ибо она заботилась о том, чтобы установить к добру и пользе царскую власть в Русской земле, отеческом наследии сыну своему, которого тогда она любила.

Если исходить из летописных дат, то Ольга ко времени своего правления была уже весьма пожилой женщиной, ибо ее обручение с Игорем отнесено в летописи к 903 году, и, значит, в 944 году ей было никак не менее пятидесяти пяти лет, а Святослава она будто бы родила незадолго до своего пятидесятилетия. И эти разительные «несоответствия» с глубоким недоумением отметил уже Н. М. Карамзин в своей «Истории...» (да еще и до него – В. Н. Татищев), не говоря уже о множестве новейших русских историков. Тем не менее эта заведомо несостоятельная хронология так или иначе используется и до сего дня (М. Н. Тихомиров не без возмущения писал еще в 1947 году, что «явно сказочную хронологию пытаются оправдать различными домыслами»); в частности, она поддерживается в церковной литературе, где считают неуместным какой-либо «пересмотр» вошедших в жития святой Ольги дат. Не собираюсь оспаривать этот довод, но речь ведь идет и о летописи, где, что признавал чуть ли не любой касавшийся вопроса историк, – хронология IX – первой половины X века заведомо не обладает точностью.

Между прочим, летопись, в сущности, сама себя опровергает: с одной стороны, Ольга, согласно ей, вступает в брак в 903 году, с другой же – в 955 году она прибывает к византийскому императору, «и де увидел царь, что она очень красива лицом... и сказал ей: "Хочу взять тебя в жены себе"» (перевод Д. С. Лихачева). А ведь если верить летописной датировке, Ольге было тогда уже по меньшей мере 65 лет...

Словом, есть все основания полагать, что Ольга обручилась с Игорем гораздо позднее, чем указано в летописи. Вообще, обращаясь к сведениям летописи, необходимо всегда учитывать, что дошедшая до нас «Повесть временных лет» была составлена в 1100-х годах – то есть более чем через полтора столетия после времени Ольги и Святослава. В древнейших русских сочинениях (того же монаха Иакова или митрополита Илариона), которые были созданы намного ранее «Повести временных лет», из династии Рюриковичей названы только князья Игорь, Святослав и Владимир; по-видимому, через столетие с лишним уже не было точного знания о том, чьим сыном был Игорь. Но впоследствии, стремясь продемонстрировать единство династии, Игоря объявили сыном Рюрика. Это совершенно неправдоподобно, так как между кончиной Рюрика (по летописи – 879 год) и рождением Святослава (примерно 937–938 годы), который будто бы являлся его внуком, миновало, оказывается, шестьдесят лет! У нас нет оснований отрицать, что Игорь действительно был потомком Рюрика, но он не был, очевидно, его сыном и уж в крайнем случае – внуком. А признание Игоря Рюриковым

сыном неизбежно «заставило» создателей летописи отнести те или иные вехи и события его жизни к значительно более раннему времени, нежели в действительности.

Это всецело ясно из следующего. В летописи, как уже говорилось, женитьба Игоря на Ольге отнесена к 903 году. Далее утверждается, что в 913 году он стал княжить, в 914-м – воевал с древлянами, в 915-м «пришли впервые печенеги на Русскую землю», и, наконец, в 920-м Игорь «воевал против печенегов». Две последние даты особенно сомнительны, ибо в той же самой летописи далее, под 968 годом (то есть речь уже идет о времени Святослава), снова записано: «Пришли впервые печенеги на Русскую землю».

Но главное даже в другом: мы видим, что в течение двух десятилетий, от 920 до 941 года (когда состоялся уже совершенно достоверный, отраженный и византийскими хрониками, поход Руси на Константинополь), в летописи не отмечено ни одного события, связанного с именем Игоря и с историей Руси вообще. Естественным образом сделать вывод, что на самом деле этот князь воевал с древлянами не в 910-х, а намного позднее – в 940-х годах, когда в конце концов и произошло роковое для Игоря столкновение.

Итак, события, связанные с Игорем, были отнесены летописцем к более ранним, чем в действительности, датам, – для того, чтобы протянуть «нить» от Игоря к его мнимому отцу Рюрику. Между тем, в 903 году, когда будто бы состоялся брак Игоря и Ольги, оба они, скорее всего, даже еще и не родились; летописную дату начала правления Игоря – 913 год – вернее уж будет считать датой его рождения.

Историк М. В. Левченко (который, кстати, как и Тихомиров, называл летописную хронологию жизни Игоря и Ольги «сказочной») писал о династии Рюриковичей, как она представлена в летописи: «Два первых поколения (Рюрик... и Игорь...) живут на протяжении полутора столетий, а под летописным Игорем скрываются по меньшей мере два лица (историк предположил, что в событиях 940-х годов участвовал уже другой Игорь, не тот, который действовал в 900–910-х годах. – В. К.)... Пред нами, бесспорно, сознательно фальсифицированная родословная». Но гораздо более правдоподобна другая точка зрения, высказанная рядом историков: речь должна идти не о двух Игорях, а о двух Олегах (ведь образ Олега в летописях с очевидностью «раздваивается»: его называют то князем, то воеводой, он погибает в разное время и в разных местах, и сообщается даже о двух различных его могилах; следует учитывать и тогдашнюю «распространенность» имени Олег в среде князей (так, Олегом звали одного из сыновей Святослава). И «второй» Олег правил, надо думать, во времена, представленные в летописи как первые десятилетия правления Игоря, который на самом деле начал править, по-видимому, совсем незадолго до своей гибели.

Исходя из этого, следует признать, что и Игорь погиб от руки древлян еще в достаточно молодом возрасте, и Ольга была молодой вдовой, о чем свидетельствует и ее громадная энергия (она совершила ряд многообразных и значительнейших деяний), и ее очевидное развитие, изменение ее убеждений и самого поведения, ярко выразившееся на протяжении 940–960 годов.

О молодости Ольги свидетельствует и тот факт, что Святослав явно был единственным сыном, которого она успела родить в браке с Игорем. В договоре Игоря с Византией перечислены послы от Игоря, малолетнего Святослава, Ольги и от двух нетигов, то есть, по современному, племянников Игоря; если бы у Игоря имелись другие дети, были бы, без сомнения, назначены послы и от них.

Так что «единственность» Святослава прочно удостоверена.

Итак, в 944 году оказавшейся у власти после гибели Игоря Ольге было, по всей вероятности, менее тридцати лет; сыну же ее – лет семь-восемь (хотя и существует сомнительная летописная дата его рождения – 942 год). Это вытекает из всей совокупности дошедших до нас сведений. С одной стороны, в летописи сообщается, что Святослав в 944–945 годах, когда мать взяла его с собой в поход против древлян, был «детескъ» и смог только переки-

нуть боевое копье через голову коня, на котором сидел (но трехлетний ребенок едва ли бы мог сделать и это); с другой стороны, в 969 году три сына Святослава уже были «посажены» им, отправлявшимся в Болгарию, на княжения. Старшему из них, Ярополку, ставшему тогда князем Киевским, едва было меньше 14–15 лет, и, следовательно, он родился не позже 954–955 годов; значит, рождение самого Святослава нужно отнести к 937–938 годам (а не к 942 году – что явно неправдоподобно, если иметь в виду возраст его сыновей).

В. Кожин. Ольга и Святослав

Киевская Русь была достаточно эфемерным политическим образованием. Разноязыкие племена Восточно-Европейской равнины не связывало вместе ничего, кроме военной силы и общности торговых интересов. Киевские князья контролировали Днепровско – Балтийский военно – торговый путь, получая значительные прибыли с его обслуживания и с торговли собранной на полюдь данью. Авторитет державы Рюриковичей покоился на господстве над торговыми путями. Однако относительно дальнейшей судьбы этих торговых путей в киевской политике не было единства. Торговая партия, состоявшая из варяжских и славянских купцов, среди которых было немало христиан, выступала за дальнейшее упрочение взаимовыгодных отношений с Хазарией, Скандинавией и особенно с Византией. Весьма привлекательной для них была идея вхождения в Византийское содружество, что могло бы повысить и престиж, и торговые возможности Русского государства и что было немыслимо без христианизации. В другую сторону тянула дружинная партия, в основном языческая. Ее целью было отнюдь не продолжение грабительских набегов, как зачастую представляют дело историки, а установление полного господства над всей восточно-европейской, черноморской и балтийской торговлей. Такие могущественные экономические центры, как Хазария и Волжская Булгария, подлежали уничтожению как опасные конкуренты. Но главным объектом ненависти была Византия, на уничтожение которой дружинная партия готова была положить все силы и средства. К попыткам воплотить эту самоубийственную мечту и толкало Игоря его военное окружение. Самоубийственную – потому что оживленный торговый путь, попавший в руки бесконтрольного монополиста, хиреет уже через пятьдесят-сто лет. Ольга всегда понимала это, и ее политика была направлена на укрепление мирных отношений с соседями. А Византия представлялась ей тем образцом, на который должна во всем равняться Русская держава. В те годы, пока что только на почве совпадения интересов, завязывались контакты Ольги с киевскими христианами.

Княгине довольно долго удавалось нейтрализовать дружинное влияние на Игоря, но настал момент, когда ее положение пошатнулось. Вырос сын Святослав, родившийся, если верить Татищеву, в 920 году¹⁰ и бывший средоточием всех надежд киевской военщины. Энергичному наследнику, видимо, довольно легко удалось склонить престарелого Игоря к авантюре. В 941 году, когда истек срок Русско-византийского договора 911 года, Игорь собрал мощную армию и двинулся на Константинополь. Разоряя все на своем пути, русы дошли почти до византийской столицы. Остановить зверства язычников растерявшимся от неожиданности византийцам удалось, только мобилизовав все силы империи, отозвав с других фронтов три большие армии и лучших полководцев. Лишь у местечка Иерон на Босфоре, применив наводящий ужас «греческий огонь», византийцы разгромили флот Игоря. Но и после этого часть русов еще долго сражалась на побережье Малой Азии.

Отдохнув год, в 943-м, Игорь, подстрекаемый своим сыном, решил попытать счастья еще раз. На этот раз поход был организован с размахом и изобретательностью, присутствующими у Святослава. Была создана коалиция из злейших врагов Византии: венгров, печенегов и негласно поддерживающей поход Хазарии, раздраженной начатыми в империи гонениями

¹⁰ Татищев В. Н. История Российская. – М.-Л., 1962. – Т. 2. – С. 40, 217.

на евреев. «Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев, – и нанял печенегов, и заложников у них взял, – и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя».¹¹ Единственными союзниками Византии остались болгары, и империи грозило если не уничтожение, то страшнейшее потрясение. И вдруг произошло нечто необыкновенное. Дойдя до Дуная, Игорь остановился и явно благосклонно выслушал предложение греческих послов о мире. Те пообещали большие денежные подарки и возобновление выплаты дани. Для конунга, решившего сокрушить империю, – не так уж и много. Ссылка летописца на то, что русы не хотели рисковать в борьбе с неясным исходом, малоубедительна: отважные воины привыкли еще и не к таким безнадежным предприятиям.

Несомненно, в скрытой борьбе за влияние на Игоря в конце концов победила партия мира, возглавляемая Ольгой. Княгине удалось нейтрализовать влияние сына и побудить мужа к перемирию с греками. Остаток лета и осень 943 года были заняты переговорами о долгосрочном мирном договоре, который и был в конечном счете заключен, ознаменовав установление между Русью и державой ромеев мира и тесного военного союза. Договор и процедура его ратификации представляют собой любопытный материал как для установления тогдашнего положения Ольги в Русском государстве, так и для правильного понимания роли киевских христиан в политике Руси. Текст соглашения начинается словами: «Мы – от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, Вуефаст от Святослава, сына Игоря, Искусевы от княгини Ольги; Слуды от Игоря, племянник Игорев; Улеб от Володислава; Ианицар от Предславы; Шихберн Сфандр от жены Улба...».¹² Святослав, как прямой наследник, упоминается сразу же за Игорем. Он имеет собственного посла, отстаивающего его личные интересы. Если бы в то время, как утверждает летопись, Святославу было три года, вряд ли младенцу понадобился бы личный посол. Наше сомнение в малолетстве Святослава подтверждает и Константин Багрянородный, сообщающий, что в начале 40-х годов «приходящие из внешней России в Константинополь моноксилы являются из Немогар да, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России».¹³ Немогард-Новгород был традиционным трамплином для перемещения на киевский стол. На третьем месте упоминается Ольга, имевшая исключительное влияние на киевскую политику. Искусевы защищали в Царьграде не только политический престиж архонтисы, но и ее торговые интересы, о которых княгиня никогда не забывала. Ольга была одним из крупнейших землевладельцев на Руси. Летописец сообщает, что «Вышгород был городом Ольгиным <...> и места ее и погосты, и сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц, и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор».¹⁴ Дальше в договоре идут имена послов правителей 22 крупнейших политических и торговых центров Руси. Через несколько лет делегация из таких же представителей отправится с Ольгой в Царьград. Следы победы христианской партии в борьбе за влияние на Игоря несомненно являются и те места в договоре, в которых явно чувствуется превосходство христиан и пренебрежение поклонниками Перуна. А церемония приведения к присяге Игоревы войска дала киевским христианам повод для демонстрации своей силы: в то время как князь с языческой частью войска клялся в нерушимости договора перед идолом Перуна, воины-христиане присягали перед греческими послами в церкви св. Ильи. «Это была соборная церковь, так как много было христиан-варягов».¹⁵ Почти сразу же по заключении договора алчные

¹¹ Повесть временных лет. – Петрозаводск, 1991. – С. 39.

¹² Повесть временных лет. – Петрозаводск, 1991. С. 39.

¹³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – С. 45. Выделенная нами глагольная форма в оригинале означает, что правление Святослава в Новгороде уже окончилось. Моноксилы – лодки-однодеревки, на которых русы перевозили товары.

¹⁴ Повесть временных лет. С. 47.

¹⁵ Повесть временных лет. С. 47.

дружинники втянули Игоря в новую авантюру, на сей раз не имевшую даже романтического блеска похода на Царьград. Позавидовав отрокам воеводы Свенельда, кои «изоделися суть оружием и порты»,¹⁶ и, несомненно, сожалея, что не попали в состав экспедиции на Каспий – в интересах Византии, громившей богатые арабские города, воины побудили князя ободрать как липку племя древлян. По своему ли неразумию или по чьему-то злому наущению Игорь решил, что и этого мало. Он, поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и похожу еще». Древляне во главе со своим князем Малом вполне справедливо рассудили, что при такой практике сбора дани они скоро вымрут с голода, и решили рискнуть. Безрассудный князь нашел свой ужасный конец где-то в лесах под Искоростенем. Его разорвали надвое березами, не удостоив даже приличных похорон. Ольга и Святослав в это время были в Киеве.

Е. Холмогоров. Святая равноапостольная княгиня Ольга

В то время как Игорь был бесчеловечно растерзан древлянами, в Киеве оставалась его княгиня Ольга с малолетним сыном Святославом. Княгиню и город, и всю землю вместо князя оберегал воевода Свенельд, а Святослава хранил кормилец его, или дядька, Асмолд.

Первое известие о смерти Игоря великая княгиня получила от древлянских же послов. Убив русского князя, древляне задумали совсем упразднить княжий род в Киеве и рассудили так: «Русского князя мы убили; возьмем его княгиню Ольгу в жены нашему князю; а Святослава тоже возьмем и сотворим с ним, как захочем».

Порешивши на этой мысли, древляне послали к Ольге послов, или сватов, – 20 лучших мужей, старейших бояр. Послы приплыли к Киеву на ладьях по Припяти и Днепру и велели сказать Ольге о своем прибытии.

Княгиня позвала их к себе. «Добрые гости пришли?» – спросила княгиня. «Добрые пришли, княгиня», – ответили послы. «Говорите, с каким делом сюда пришли?» – «Послала нас Древлянская земля, – отвечали послы, – и велела тебе сказать: мужа твоего убили. А за то, что был твой муж, аки волк, хищник несправедливый и грабитель. А у нас князя добрые, не хищники и не грабители, распасли, обогатили нашу землю, как добрые пастухи. Пойди замуж за нашего князя».

«Приятно мне слушать вашу речь, – сказала Ольга, – уж мне моего Игоря не воскресить. Теперь идите в свои ладьи и отдохните. Завтра я пришлю за вами. Хочу вас почтить великой почестью перед своими людьми. Когда за вами пришлю, вы скажите слугам: не едем на конях, не едем и на возах, не хотим идти и пешком – несите нас в ладьях, и внесут вас в город в ладьях. Такова будет вам почесть. Таково я люблю вашего князя и вас».

Послы обрадовались и пошли к своим ладьям, пьяны-веселы, воздевая руки и восклицая: «Знаешь ли ты, наш князь, как мы здесь тебе все уладили».

А Ольга тем временем велела выкопать на своем загородном теремном дворе вблизи самого терема великую и глубокую яму, в которую был насыпан горящий дубовый уголь. Наутро она села в терем и послала звать к себе гостей. «Зовет вас Ольга на любовь!» – сказали послам пришедшие киевляне. Послы все исполнили, как было сказано: уселись в ладьях, развалившись и величаясь, и потребовали от киевлян, чтобы несли их прямо в ладьях. «Мы люди подневольные, – ответили киевляне, – князь наш убит, а княгиня хочет за вашего князя!» Подняли ладьи и торжественно понесли послов-сватов к княгинину терему. Сидя в ладьях, древлянские послы гордились и величались. Их принесли во двор княгини и побросали в горящую яму вместе с ладьями. «Хороша ли вам честь?!» – воскликнула Ольга, приникши к яме. «Пуще нам Игорева смерти», – застонали послы. Ольга велела засыпать их землей живых. Потом она послала к древлянам сказать так: «Если вы вправду

¹⁶ Повесть временных лет. С. 43.

просите меня за вашего князя, то присылайте еще послов, самых честнейших, чтобы могла идти отсюда с великой почестью, а без той почести люди киевские не пустят меня». Древляне со своим князем Малом избрали в новое посольство самых набольших мужей и отправили их в Киев.

Как пришли новые послы, Ольга велела их угощать, а затем и истопить баню. Вошли древляне в баню и начали мыться. Двери же за ними затворили и заперли; затем тут же от дверей зажгли баню; так они все и сгорели.

После того Ольга посылает к древлянам с вестью: «Пристроивайте – варите меды! Вот я уже иду к вам! Иду на могилу моего мужа; для людей поплачу над его гробом, для людей сотворю ему тризну, чтобы видел мой сын и киевляне, чтобы не осудили меня!» Древляне стали варить меды, а Ольга поднялась из Киева налегке, с малой дружиной. Придя к гробу мужа, она стала плакать, а поплакавши, велела людям сыпать большую могилу. Когда могила была ссыпана в большой курган, княгиня устроила тризну. После того древляне, лучшие люди и вельможи, сели пить. Ольга приказала отрокам угощать и поить их вдоволь. Развеселившись, древляне вспомнили о своих послах. «А где же наша дружина, наши мужи, которых послали за тобою?» – спросили они у Ольги. «Идут за мной с дружиной моего мужа, приставлены беречь скарб», – ответила княгиня. Когда древляне упились как следует, княгиня велела отрокам пить *на них*, что значило пить чашу пополам за братство и любовь, и за здоровье друг друга, от чего отказываться было невозможно, таков был обычай. Это также называлось – «перепивать друг друга». Когда древляне перепились вконец, то княгиня поспешила уйти с пира, приказав своим перебить всех древлян. Они были посечены, как трава, всего их погибло пять тысяч человек, Ольга же вернулась в Киев и стала готовить войско, чтобы истребить древлянскую силу до остатка.

На другое лето Ольга привела в Древлянскую землю большое и храброе войско под предводительством маленького Святослава, с воеводой Свенельдом и с дядькой малютки Асмолдом. Древляне тоже собрались и вышли. Полки сошлись лицом к лицу, и первым начал битву Святослав, так как доблестные русские князья, по отцовскому и дедовскому обычаю, всегда сражались впереди своих дружин и всегда первые вступали в бой.

Поэтому и Святослав начал битву, кинув свое копье в древлян. Копье полетело между ушей его лошади и упало ей под ноги. Но этим княжье дело было исполнено. «Князь уже начал! – воскликнули воевода и дядька. – Потягнем, дружина, по князе!» После жестокой сечи победа досталась киевлянам, а древляне разбежались по городам и заперлись в осаду. Ольга с сыном пошла прямо к Искоростеню, где был убит Игорь. Этот город знал, что ему пощады не будет, и поэтому боролся крепко. Великая княгиня простояла под городом все лето и не смогла его взять; тогда она послала в Искоростень послов сказать от ее имени: «Чего вы хотите досидеть? Все ваши города отдались мне, все ваши люди взялись платить мне дань и теперь спокойно обрабатывают свои нивы и пахут землю, а вы хотите, видно, помереть голодом, что не идете в дань». – «Рады и мы платить дань, – отвечали горожане, – да ты хочешь мстить на нас смерть мужа».

«А я уже отомстила обиду мужа, – отвечала Ольга. – Во-первых, когда пришли ваши первые послы в Киев творить свадьбу, потом со вторыми послами и, наконец, когда правила мужу тризну. Теперь иду домой, в Киев. Больше мстить не хочу. Покоритесь и платите дань. Хочу умириться с вами. Буду собирать от вас дань легкую».

«Бери, княгиня, чего желаешь, – отвечали древляне. – Рады давать медом и дорогими мехами». – «Вы обеднели в осаде, – говорит Ольга. – Нет у вас теперь ни меду, ни мехов; хочу взять от вас дань на жертву богам, а мне на излечение головной болезни – дайте от двора по три голубя и по три воробья».

Конечно, жители Искоростеня обрадовались такой легкой дани и прислали княгине птиц с поклоном. Ольга объявила, чтобы они жили теперь спокойно, так как наутро она

отступит от города и пойдет в Киев. Услышав такую весть, горожане обрадовались еще больше и разошлись по дворам спокойно спать. А между тем Ольга раздала ратным людям голубей и воробьев, велела к каждой птице привязать горючую серу с трупом, обернувши в лоскут и завертевши ниткой, и, как станет смеркаться, выпустить всех птиц на волю. Птицы полетели в свои гнезда, голуби в голубятни, а воробьи под застрехи. Город в один час загорелся со всех сторон; в ужасе люди повывбежали за городские стены, но тут и началась с ними расправа: одних убивали, других забирали в рабство; старейшин всех забрали и сожгли.

После этого наложена была на древлян тяжелая дань: по две черных куницы и по две белки, кроме прочих мехов и меда, на каждый двор.

Вот как отомстила Ольга, как добрая и верная жена, за смерть своего мужа. И за эту жестокую месть, которую она совершила с такой хитростью и мудростью, народ прозвал свою княгиню «умнейшей от человек».

Такова была язычница Ольга.

Показав себя мудрой в деле мщения за смерть Игоря, Ольга показала себя такой же мудрой и в делах управления Русской землей во время малолетства князя Святослава.

Вся княжеская деятельность Ольги тем особенно и прославляется, что она установила хозяйственный порядок по всей Русской земле. На другой же год после сожжения Искоростеня княгиня начала объезжать самолично всю Русскую землю вдоль и поперек; она устанавливала правила и порядок во всех земских делах, устраивала погосты, куда могли съезжаться гости для торговли, определяла оброки, назначала участки для ловли зверей и своей высокой справедливостью и участливым отношением к нуждам народным приобрела большую любовь по всей Русской земле. «Все на этом свете остроумная Ольга искала мудростью», – говорит преподобный Нестор.

А. Нечволодов. Сказания о Русской земле

Мы открываем, наверное, самую загадочную страницу жизни святой Ольги. Кому не памятни с детства леденящие кровь, но по-своему необыкновенно поэтичные сказания о жестокой мести древлянам! Логика мифа причудлива, и подчас за вполне правдоподобным рассказом кроется произведение народной фантазии, и, напротив, немыслимая фантазматичность сюжета служит едва ли не главным доказательством его подлинности – невозможного не выдумывают. С трудом верится, что повесть об Ольгиной мести – просто небылица. Она слишком нестандартна для довольно шаблонной формы народной легенды и в то же время достаточно реалистична и конкретна. Если это и миф, то миф в том значении, какое придавал этому слову А. Ф. Лосев – «в словах данная чудесная личностная история» язычницы Ольги, история, делающая почти физически ощутимыми темные и жуткие черты той самой славянской религии, которую теперь тщатся представить едва ли не торжеством духовной свободы и гуманизма.

Историки воспринимают Ольгину месть как выдумку в первую очередь потому, что она логично и последовательно воспроизводит основные черты языческого похоронного обряда. Из этого почему-то следует, что повесть о мести – не более чем сказочное его осмысление. Часто забывают, что человек архаических времен воспринимал свои религиозные обязанности чрезвычайно серьезно, может быть, даже серьезней, чем следовало. Игорь умер жалким пленником и был попросту зарыт в землю без всякого похоронного обряда. По славянским же верованиям, загробная судьба человека зависела от его статуса в момент смерти и от пышности похорон. Кому, как не любимой Игорем Ольге, было почтить память покойного мужа! И Ольга со всей истовостью правоверной язычницы сделала все от нее зависящее, чтобы отдать мужу последний долг. В своей мести она не только наказала бунтовщиков, но и последовательно воспроизвела все части похоронного ритуала.

По правилам первобытного воинского поединка победитель является наследником побежденного. А взойти на княжеский трон можно было, только женившись на вдове властителя. Согласно этому архаическому обычаю и действовал Мал, когда посылал 20 лучших древлянских мужей свататься к Ольге. Древляне хорошо знали гордый нрав князей-варягов и рассчитывали не более чем на перемирие и отсрочку карательной экспедиции. Однако прием у Ольги превзошел все ожидания. Княгиня не только спокойно выслушала известие о гибели мужа, но и благосклонно приняла изложение матримониального проекта: «Любезна мне речь ваша, – мужа моего мне уже не воскресить; но хочу вас завтра почтить перед людьми своими». ¹⁷ Вот тут бы и призадуматься послам. Своими словами Ольга начала хорошо известный по архаическим обрядам и сказкам ритуал свадебной игры: жених получает невесту, только отгадав ее загадку, в противном же случае лишается головы. А загадка уже была произнесена: «почтить» кого-то по-славянски означало и «оказать честь», и «отомстить», «убить». Ни одну из Ольгиных загадок древляне так и не отгадали. А загадки продолжались: «Ныне же идите в свою ладью и ложитесь в ладью с гордостью, а утром я пошлю за вами, вы же говорите: не едем на конях, ни идем пешком, но понесите нас в ладье; и вознесут вас в ладье». Послы восприняли это как обычную часть обряда сватовства, когда сваты, дабы обмануть злых духов, приезжали «ни пешком ни на лошади», «ни днем ни ночью», войдя в избу невесты, заговаривали сперва о посторонних вещах, и т. д. Но смысл загадки был угрожающим. Ни пешим ни на коне, а в ладье, на руках соплеменников, следовал к своему последнему пристанищу знатный рус. Ладья была традиционной погребальной принадлежностью и славян, и скандинавов. ¹⁸ Так и произошло на следующее утро: принеши послов на Ольгин двор, киевляне сбросили их в глубокую могилу. «И, склонившись к яме, спросила их Ольга: „Хороша ли вам честь?“ Они же ответили: „Горше нам Игровой смерти“. И повелела засыпать их живыми; и засыпали их». ¹⁹ Некоторые летописи добавляют, что послов в яме сожгли. ²⁰

Месть только начиналась. Вскоре Ольга прислала древлянам требование отправить в Киев еще лучших мужей в качестве сватов, – мол, киевляне без почетного эскорта ее не отпустят. Когда следующая группа древлянских аристократов прибыла на убой, княгиня предложила им сходить в баню. Выглядело это как обыкновенное проявление заботы о гостях. Но древляне позабыли, что у славян было в обычае истапливать баню для покойника и ставить воду для омовения. Еще долго после Крещения Руси в вопросниках и исповедях сохранялся пункт: «В Великую Субботу, и в Пятидесятую, егда память творим усопшим, бани не велел ли еси топить?» ²¹ и полагалась епитимья. Когда древляне вошли в баню, с ними и поступили как с покойниками: заперли и сожгли.

Третья Ольгина загадка была сформулирована прозрачнее двух первых: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своему муже». ²² Кто станет жертвой в ритуальном жертвоприношении на могиле Игоря – нетрудно было догадаться. Древлян не насторожило даже то, что княгиня прямо назвала их убийцами. На вопрос, где посланные за нею в Киев мужи, Ольга отговори-лась: «Идут следом». После надгробного плача был насыпан курган и начался пир, на котором древляне упились. Настало время погребальной военной игры. ²³ И тут Ольгина дружина

¹⁷ Повесть временных лет. С. 44.

¹⁸ Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежность похоронного обряда // Древности: Труды Московского археологического общества. – М., 1980. – Т. XIV.

¹⁹ Повесть временных лет. С. 44.

²⁰ Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878. – С. 221.

²¹ Алмазов А. И. Тайная исповедь. – Одесса, 1894.

²² Повесть временных лет. С. 45.

²³ Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. – М., 1868; Повесть временных лет. – С. 45.

обрушила на беспечных древлян вместо ритуальных ударов мечами – самые настоящие. «И иссекли их пять тысяч. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско на оставшихся».²⁴

²⁴ Повесть временных лет. С. 45.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.